

Последующие ее работы касались уже нормальных детей. Их явно учили не так и не тому, раз их так легко было догнать в развитии. Она взяла малышей и стала за ними наблюдать. И создала систему, которую до сих пор используют для дошкольного воспитания во всем цивилизованном мире.

Убедившись на опыте, что свободный дух стремится к познанию мира, а не к безделью, М. М. сначала обрадовалась. А потом испугалась. Потому что ее свободные дети попадали из сада в школу. И там все сразу кончалось: и свобода, и жажда знаний, и тяга к труду. Начиналось принуждение, скука и склизость от многочасового сидения.

Все, что пишет М. М. о школе, можно сегодня печатать в качестве газетной передовицы. О программах и методиках. Об ученых людях, которые изобретают ортопедические приспособления для исправления ущерба, нанесенного школой. Утверждают, что если ребенка начиная с шести лет регулярно на этих приспособлениях подвешивать, то его позвоночник не искривится. А одна дама разработала даже корсет для школьников, удерживающий тело в нужном положении.

«Все это зиждется... на странном предрассудке, что для того, чтобы подвергаться воспитанию, надо, чтобы тело имело известное положение...»

Излив печатно накопившиеся чувства, М. М. взялась за создание начальной Монтессори-школы. Для детей до 12 лет. И создала ее — судя по тому, что такие школы в мире существуют. Однако подробнее рассказать о них мы пока не можем, поскольку у нас в стране их нет. Но, как только удастся познакомиться с опытом их работы, сразу же вам расскажем. Нам и самим интересно. У всех же дети...

Утешает то, что там, где появляются сады Монтессори, вскоре сам собой встает вопрос о школах. У нас этот путь едва начат. Еще не набралось, вероятно, в одном месте критической массы активных родителей. Однако процесс пошел.

Монтессори и вера

«Сама Мария Монтессори не противница религиозного воспитания. Напротив, она убеждена в том, что ребенку так же свойственно религиозное чувство, как и любовь к знанию. И что воспитание этого чувства необходимо. «Но, — сказала она мне, — если вообще считать принуждение вредным, то в деле религии оно преступно», — вспоминала Сухотина-Толстая. Две знаменитые дамы обсуждали большой вопрос.

Время и среда толкали к материализму. (Вы же образованный человек!..) Знание собственной души, наблюдение за душой ребенка говорили другое. Нужна была смелость, чтобы в то время, в той среде стоять на своем. «Если религия родилась вместе с цивилизацией, то она, вероятно, коренилась в самой природе человека».

Мария Монтессори работала с детьми в домах ребенка, созданных Обществом дешевых квартир в рабочих кварталах Рима. Одновременно она работала с сиротками в католическом приюте. Тут и там были дети, они ждали ее и любили занятия. Но кроме детей были взрослые. У взрослых свои игры. Кто не с нами, тот против нас. Почему-то считалось, что она обязана сделать выбор, с

кем она — с этими или с теми? С клерикалами или с рабочим движением? Бред, конечно. При чем тут дети?

Но в итоге ей пришлось уйти и от тех, и от этих: мешали работать. Она создала свой собственный детский сад — без идеологической цензуры.

Мария Монтессори не видела необходимости в конфессиональном самоопределении детских садов. Это было заботой родителей. Вообще приобщение к религии и культуре она считала делом по преимуществу семейным. Детский сад — это школа для маленьких, где они приобщаются к труду, познанию и сотрудничеству. Такой подход позволил садам Монтессори существовать в католической Италии, протестантской Англии и даже в большевистской России.

В Италии все кончилось, когда к власти пришел Муссолини.

В России сады Монтессори были запрещены и вся литература изъята из обращения к 1930 году, поскольку их зачинатель и вдохновитель Юлия Фаусек отказалась наполнить метод новым марксистско-ленинским содержанием. В основании метода лежала идея саморазвития души. Заложить на это место диамата представлялось возможным.

Слава богу, сейчас нам хоть это не грозит. Хотя я вполне могу себе представить «наезд» с другой стороны. Зачем, мол, нам, православным, система, возникшая в католической Италии? А что? Наезжали же на вальдорфские школы за то, что это немецкое изобретение и что вообще антропософия нам тут не ко двору.

Монтессори и баба Маня

Я еще ничего не знала о системе Монтессори, лишь услышала название, и что-то откликнулось в душе. Должно быть, это имя не раз звучало в разговорах моей бабушки Мани с ее подругой, которую все звали Англичанкой. Они любили вспоминать времена Наркомпроса. Этих ужасных антисоветских разговоров я — октябренка и пионер — не любила и не слушала. Но что-то в них залетало в уши...

Теперь, листая в библиотеке Монтессори-литературу начала века, я ощущаю присутствие бабы Мани. За левым плечом. Она одобряет такое чтение.

Многое в этих книжках знакомо. Не просто знакомо — в крови. Баба Маня не писала — проводила в жизнь. В обеспеченной нашей семье царил спартанский простоты. Два платья — первое и второе. Никаких побрякушек. Если кто-то купил себе пальто, старое завтра исчезало. Зачем одному человеку два пальто? Кукол детям не дарили. Сладкого в доме не держали. Бесполое чтение не одобряли. За хорошие отметки не хвалили, за плохие не ругали. Позволяли развиваться по собственной программе.

Это я к чему. К тому, что сады Монтессори в моде. И, как всегда, на всех не хватает. Возникает «синдром дефицита»: наживаются, проталкивание, приплачивание и прочие чудеса. «Ем, говорю: ребенку поздно, ему уже пять лет. А он тебе: я помощник депутата...»

Так чтоб хоть знали, куда и зачем проталкивают. Чему тут учат, какие идеи витают. Там нет английского. Там нет компьютера. Не учат бальным танцам. Там в фундамент заложена идея простоты и разумного самоограничения. Так чтобы не было претензий. То есть, если вдруг ваш ребенок отдаст свое личное пальто, чтоб не требовать с воспитателя компенсации. Это был ваш выбор.

Адрес Монтессори-центра:
Москва, Староватутинский проезд, д. 8.
Детский сад № 1744. Телефон: (095) 497-56-60.

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Про любовь и кровь

Наш фотокорреспондент Миша Пайст, когда снимает детей, задает им вопросы — чтобы они не слишком напрягались.

У Сеперт Эдисулановой он спрашивал разные глупости (работа у него такая): во что ты любишь играть, кем хочешь стать, знаешь ли какие-нибудь анекдоты?

После вопроса про анекдоты Сеперт загрустила и сказала, что не помнит ни одного.

Ей хочется побегать, но бегать не получается. Ей хочется поболтать с подружками, но она уже давно не покидает стены своего стеклянного бокса. Она любила играть с компьютером, но эта любовь осталась под обломками ее дома в Грозном, на улице Субботникова.

— Мы жили в центре, и вся наша улица разбомблена, почти ни одного целого здания нет. — Магомет, отец Сеперт, просто устало констатирует факт.

Он человек совсем не агрессивный, и ему вообще сильно не нравится война. Магомет много помогает в больнице по хозяйству, ни на что не жалуется, ездит покупать то шприцы, то резиновые перчатки. За дочерью ухаживает с трогательной нежностью, и его все любят. До войны он был инженером-механиком на нефтеперерабатывающем заводе. У него четверо детей. Теперь остался без работы.

Когда Сеперт заболела, Магомет, преодолев все мыслимые и немыслимые препятствия, привез ее в Москву. Приговор был жестокий — приобретенная апластическая анемия. (Эта болезнь страшнее лейкоза, сказали нам врачи.)

Девочку взяли лечить в Российской детской клинической больнице (вы, наверное, помните, про эту больницу мы уже писали). Там много тепла, там врачи спасают безнадежных детей со всей страны, там действует удивительный храм Покрова Пресвятой Богородицы, там вообще собрались очень хорошие люди. Не хватает только денег.

У Сеперт был совсем маленький шанс остаться в живых. Теперь он заметно возрос, этот шанс. После того, как один наш читатель перевел в больницу 8 тысяч долларов и на эти деньги было куплено лекарство, которое может спасти девочку жизнь. На эти деньги сейчас ее отец покупает еду, которую требуется потом еще долго тушить и готовить специальным образом. «Так готовить я не умею, — говорит Магомет. — Теперь вот вызвал жену. Она пробует тут самое трудное время, потом вернется к детям в Чечню. А я останусь».

В отделении общей гематологии сейчас лежат 15 детей с диагнозом апластическая анемия. Эту болезнь крови у нас мало где умеют лечить. Максимальный эффект дают пересадка костного мозга и то самое лекарство, которое кушали для Сеперт. У западных специалистов уже есть в этом деле опыт, у наших его совсем мало. Раньше большинство детей просто умирало. Сейчас половина выживает, потому что в этой детской больнице применяют и отработанные лучшие зарубежные методики лечения.

Теперь представьте себе. Нищенское государственное финансирование. Отделение, где дети дня не могут прожить без донорской крови. Врачи — отчаянные молоденькие девчонки с грошовой зарплатой, которые отвечают за этих детей. Вечная нужда в очень дорогих лекарствах, без которых лечение невозможно.

— И мы не можем взять новых больных, которые находятся в безвыходном положении. У нас нет мест. — Исполняющему обязанности зав. отделением Дмитрию Литвинову трудно объясняться

с нами без научной терминологии. Но он очень старается говорить понятно. (Дмитрий, кстати, тоже очень молод: ему всего 26 лет.)

Если ненаучно, суть дела такова: с тяжелыми болезнями крови приходится воевать долго, месяцами. И детей, даже тех, которые временно подлечились и могут обойтись без ежедневного участия врачей, невозможно выкинуть на улицу и отправить в другие города «по месту жительства». Наблюдение и помощь все-таки нужны, осложнения и неприятности могут случиться любые. Но им негде и не на что жить в Москве.

До недавнего времени помощники из больничного храма умудрялись (они тут много чего умудряются делать) снимать для маленьких пациентов и их родителей комнаты в одном из студенческих общежитий. С родителей там брали по 30 тысяч рублей в сутки, остальное доплачивал финский спонсор. Теперь дело усложнилось: в общежитии ремонт, а благородный финн исчерпал свои ресурсы. И многие места в больнице, способной принять новых пациентов, остаются занятыми.

Врачи делают все, чтобы Сеперт выжила. Но после трехмесячного клинического курса лечения ей будет нужен полугодовой амбулаторный курс. Это значит, что строго раз в неделю надлежит являться в клинику под капельницу. И это значит, что опять очень нужны деньги — тысячи полторы—две долларов, чтобы снимать жилье (уход за девочкой требует так много времени, что вряд

У Сеперт теперь появились шансы выжить

ООО «РОМАШКА»
НЯНИ опытные
 (можно к беременным и грудничкам)
ГУВЕРНАНТКИ
 (воспитание, образование, уроки)
ЭКОНОМКИ
 (дом, дача, быт)
 Наши девизы — ДОБРОТА и ТЕРПЕНИЕ!
 Тел.: (095) 942-01-68, 488-61-75

ли ее отец сможет работать). И конечно, деньги нужны не только для Сеперг, они нужны и для других детей.

...Прежде чем мы ушли, Магомет быстро куда-то отлучился, а потом пришел и вручил нам тетрадный листок в клетку — на нем были написаны благодарные слова. Нам хочется, чтобы они дошли до человека, который помог Сеперг. Вот отрывок из него: «Мы до конца жизни будем помнить вас за вашу поддержку именно в такое трудное для нас время».

Спасибо, друзья!

Так получается, что мы еще не все написали про кровь. В ноябрьском номере «Домового» было, если помните, письмо Ирины Ларцевой, вице-президента Благотворительного фонда экстренной помощи детям, больным гемофилией, с просьбой содействовать изданию книги англичанки Юдит Смит о том, как лечить таких детей и как можно помочь им дома, в семье.

Эта книга очень важна вот почему. Гемофилия — болезнь сейчас, к сожалению, не редкая и уже не считающаяся сугубо наследственной, «царской». Диагноз этот тоже тяжелый, но тоже не обязательно роковой: опять же за рубежом созданы препараты, которые позволяют человеку жить полноценно до самой старости. У нас эти препараты не производят, и вообще у нас мало что знают о современных возможностях. Дело усугубляется тем, что гемофилия тоже недуг страшно дорогой. В среднем на одного больного в развитых странах сегодня тратят \$30–90 тысяч в год.

Сыну Ирины Ларцевой Никите скоро семнадцать. Он болен гемофилией. Но его удалось отстоять: Никита плавает, бегает на лыжах и вообще ведет, как говорится, активный образ жизни. Это стало возможно потому, что родители не пожалели средств и стали действовать решительно. Никита, как и многие другие дети, получает иностранное лекарство в гематологическом центре Измайловской детской больницы. Приобретать лекарство помогают разные организации столицы, в том числе благотворительный фонд, созданный Ларцевыми — Ириной и ее мужем Семеном (он президент фонда). В этом благотворительном фонде экстренной помощи теперь многое знают про гемофилию. И стараются помогать всем — для этого и были необходимы книга и \$3000 на ее издание.

После того как вышел номер с письмом Ирины Ларцевой, нам позвонил наш читатель (он тоже своего имени называть не велел) и предложил оплатить все затраты и напечатать книгу в собственной типографии. Теперь дело сделано, и книга будет распространяться по стране бесплатно.

Видите, хоть и невеселая у нас с вами тема, но и порадоваться есть чему.

Еще нас обрадовали Николай, Ольга и Катя. Они, незнакомые друг другу люди, позвонили и взяли адреса попавших в беду москвичей, чьи письма не были опубликованы (у нас есть и такие письма), и отвезли им детские вещи и продукты.

И еще вы помогли Татьяне Грушиной из Владимирской области (Ирина из Москвы отправила ей 1,3 млн рублей на офтальмологическую операцию), Татьяне Выегжаниной из Кировской области, многодетным мамам Ирине Рабизо из Свердловской области и Ларисе Любушкиной из Алтайского края (им другая московская Ирина отправила по 800 тысяч рублей). По этим же адресам и еще по адресу Юли Костиной из Владимирской области направила денежные переводы челябинская фирма «Дом немецких обоев», перечислив в общей сложности 9 млн рублей. 1,2 млн рублей послали Ларисе Любушкиной две читательницы, категорически запретившие называть даже их имена в журнале. А Вера Владимировна, Вален-

тина Васильевна, Кристина и Николай из Москвы отправили посылки авторам октябрьских и ноябрьских писем (посылки с ноябрьской почтой пересылает исправно, и мы этому тоже очень рады).

Дай вам Бог здоровья, добрые люди!

Для тех, кто не читал предыдущие выпуски журнала Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем (публикации начались в октябре), а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

✉

Зовут меня Лариса Владимировна, мне 33 года, воспитываю четверых детей. Ольге 14 лет, Насте — 9, Юли — 7, а Роману 6 лет. С мужем я разошлась три года тому назад, потому что жить стало совсем невозможно. Трезвым мы его видели очень редко, часто избивал меня и детей. Теперь он уехал, оставив мне письменный отказ от детей. Алименты с него не взыскивают. Хотя я и зоотехник по образованию, но работать на ферме за 80 тысяч рублей (которые еще и не платят вовремя) нет смысла. При помощи знакомых устроилась вахтером в местном техникуме на 170 тысяч рублей. Живем, разумеется, с огорода. Одежду детям где перешибу, где перевяжу, а вот обувь... Где ее взять? На детские пособия предложили стиральную машину «Малютку» и кухонный процессор. Еще привезли галоши 42-го размера, но уж от них-то мы отказались. Пишу и плачу. Была бы нормальная работа, ну уж если бы я ее не нашла? Другие семьи уезжают, а я не могу. Мы с детьми посадили сад, и никуда от него теперь не уехать. Написала вам с надеждой на помощь, вы уж не обесудьте. До свидания. Ерпалова Л. В., Свердловская обл.

Это письмо Ларисы Владимировны по нашей просьбе проверили сотрудники областного главного управления социальной защиты населения Свердловской области. Они подтвердили, что в нем все правда.

✉

Пожалуйста, опубликуйте это письмо. Мы с друзьями создали Центр адаптации и обучения для детей-беженцев и работаем в нем учителями. Подтягиваем их до уровня школьной программы, помогаем устроиться в школу и адаптироваться. В первой половине дня учимся сами, во второй — учим других. Работаем бесплатно, по три дня в неделю. Наши ученики особые. Вместе с родителями они бежали в Москву. В Чечне они пережили бомбежки, видели трупы на улицах. Многие из ребятшек не держали в руках учебники по 2–3 года. Я обращаюсь к московским студентам: приходите к нам! Учеников с каждым месяцем все больше. Им нужны вы! Нишего, что нет опыта, у нас его тоже не было. Ждем! Вершок Анна, директор Центра адаптации и обучения для детей-беженцев, студентка МПГУ, Москва

✉

Несколько месяцев назад узнала адрес вашего фонда, хотела написать сразу, да все не решалась. Я не бомж, не многодетная мать семейства, я российский провинциальный док-

тор. Прежде я справлялась со своими проблемами сама. Несмотря на голодное детство, хорошо училась в школе, потом институт и параллельно работа. Было очень трудно, но интересно, и все как-то преодолевалось. Получив диплом, уехала в маленький город работать участковым врачом. Работы было много, зимой так до 50 вызовов, но я была здоровой, веселой, красивой, ответственной. Но однажды все рухнуло. Пришлось срочно выехать в командировку в другой город. Я даже не успела захватить домой одеться потеплее. Простыла и с тех пор больше пациентка, чем врач. Мне долго не могли поставить диагноз, с температурой до 38 я работала почти год. В конце концов определили, что у меня воспаление сосудистой оболочки спинного и головного мозга, нарушение мозгового кровообращения. Пришлось уйти на другую работу, потеряв прилично в заработке. С тех пор прошло восемь лет, но я так и не смогла комплексно пролечиться. Других лечу, а себе помочь не в состоянии по банальной причине: мой оклад 270 тыс. рублей. Систематически приходится симулировать здоровье, чтобы больным не думалось: как же она нам поможет, если себе не в состоянии?! Буду благодарна за любую помощь — лекарствами или деньгами. Не хочу становиться инвалидом (хотя с моим диагнозом многие на группке). Хочу остаться нормальным человеком и по-прежнему помогать другим. Е. Смирнова, Ставропольский край

Лекарства на один курс комплексного лечения для г-жи Смирновой стоят 1 млн рублей, сообщили нам в Ставропольском краевом управлении соцзащиты населения.

✉

Уважаемые работники Российского фонда помощи! Пишу вам, так как больше мне не к кому обратиться. Я закончила 11 классов, мой парень предложил выйти за него замуж, и я согласилась: я же его любила (и люблю!), а зарабатывал он прилично. Поженились, муж получил общежитие, и я была на седьмом небе от счастья. Потом мы ждали ребенка и все представляли, как он будет бегать и говорить «мама-папа». Но зимой я поскользнулась, сильно ударилась, и малышка сохранить не удалось. Мне тогда казалось, что я умерла вместе с ним. А тут еще врач сказала, что больше мне детей не иметь. Я чуть с ума не сошла. Но Бог услышал мою молитву, и я снова забеременела. Врач настаивала на аборте, наговаривая, будто мне его не выносить, что он либо умрет во мне, либо родится уродом. А тут еще у мужа пошли неладья на работе. Все было против моего малыша, но я никого не слушала. И победила. Родила своего богатыря Кирилку здоровенького и толстенького. Правда, ослабленного из-за лекарств, которыми меня пичкали. Пошли болезни: одну вылечим, другая тут как тут. И в семь месяцев у Кирилки нашли туберкулез. Потребовались дорогие лекарства, хорошее питание, витамины. А мужа как раз увольняют, из общежития грозят выселить. Куда же нам подаваться? Люди добрые, откликнитесь, помогите нам материально хотя бы на первое время. А там муж найдет работу, малыша вылечим, он подрастет, и я тоже пойду работать. Иванько Ирина, Алтайский край

Это письмо по нашей просьбе проверила сотрудница Алтайского комитета по социальному и пенсионному обеспечению Элла Альбертовна Ребро. В семье Иванько, сообщает г-жа Ребро, в ноябре было две радости: Кирилке исполнился

год, и его отца восстановили на работе. Они по-прежнему живут в заводском общежитии и нуждаются в деньгах на лекарства и витамины для мальчика.

✉

Крайняя необходимость заставила меня обратиться за помощью в ваш фонд. У меня трое детей — 15, 10 и 2 лет. У самого маленького, Ванечки, врожденный порок головного мозга. Много сил мы с мужем потратили, чтобы облегчить состояние малыша. Но результата пока никакого. И вот в центре охраны материнства и детства нам порекомендовали уникальный метод лечения. Прогноз в большинстве случаев положительный (но альтернативы у нас все равно нет!). В два годика Ванечка не ходит, не сидит и мало что понимает. На первый курс мы собрали деньги, но курсов-то должно быть не меньше шести! Стоимость только одного — \$1250. Для нашей семьи это просто огромные деньги. Работает только муж, и наш доход вместе с пенсией Ванечки меньше 1,8 млн рублей в месяц. Пятерым этого едва хватает на самое необходимое. Понимаю, что пишу об очень высокой сумме. Но, может быть, найдется добрый человек или организация, которые оплатят лечение хотя бы частично. Деньги можно перечислить сразу на р/с клиники или же на наш семейный счет. Галина Бухарина, Москва

✉

Ваш адрес узнала совершенно случайно. Лежала в больнице, рассказала в палате о своем житье-бытье, и мне посоветовали обратиться к вам. Мне 22 года, и у меня две дочки: Ирина (3,5 года) и Марина (1,5 года). Муж Владимир работает слесарем в леспромхозе, да зарплату платят там редко, а я ухаживаю за малюткой, числюсь в колхозе, но там денег не видели уже два года. Прямо безвыходное положение. Сидим на одной картошке. У нас в округе 8 организаций, но, куда ни пойдешь, везде один ответ: зря наплодила, умные-то сейчас не рожают. Господи, ну почему они считают, что если родила, то непременно дура?! Наступила зима, а нам не во что одеться. И вот сегодня не выдержала и пишу вам. Муж получил 30 тысяч — 10% от зарплаты, а до этого денег не давали три месяца. Как жить? Ну не воровать же. Стыдно, стыдно писать вам, но если можете, помогите вещами и обувью. Женщина в больнице сказала, что если вам сообщить размеры, то вы можете выслать. Обувь детям надо размеров 14, 16, 18, они у меня маленькие, худенькие. А их размеров одежды я и не знаю. Мы с мужем одинаковые: обувь 38-го размера, а одежда — 48-го (рост 165). Но если не сможете помочь, то спасибо и за то, что дали высказаться. А то никто не интересуется, как мы живем. И простите за мою писанину, я плохо вижу. Алла Выборова и вся моя семья, Архангельская обл.

«Выборовы — нормальная, здоровая семья. Муж Сергей зарплату действительно последний раз получал в июле 1997 года, — сообщила нам после проверки письма начальник отдела соцпомощи Областного департамента соцзащиты Галина Селиченко и добавила: — Рассмотрите, пожалуйста, их просьбу».

✉

Мне 21 год. Живу в маленьком, но красивом городке на Каме. В девять лет я серьезно заболела. Мы жили в деревне, местный врач не смогла сразу поставить диагноз, и начался сепсис. Без

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

сознания меня привезли в город, там оперировали. Я была так плохо, что с родителей взяли подписку. Но я не умерла, а через пять лет у меня стала деформироваться тазовая кость. Оперировать меня отказались: еще росла. После школы я пошла в сельхозколледж, закончила бухгалтерское отделение с отличием и даже нашла работу по специальности. Зарплата, правда, невелика, и ее выдают натурой. Я научилась шить, более-менее одеваюсь сама, обшиваю маму и брата-студента. А отец от нас ушел. Я уже забыла о больницах, как вдруг состояние мое резко ухудшилось. Пришла пора операции, иначе через год тазобедренный сустав разрушится вовсе. Мне рекомендовано ехать в Курган, в центр имени Илизарова. А на что ехать? Я очень хочу вылечиться. Перспектива оказаться в инвалидном кресле приводит в ужас. Я же сильная, привыкла справляться с трудностями, но теперь настал момент, когда мне необходима ваша помощь. Я хочу жить, завести семью, родить детей. Верить в чудеса я давно разучилась, и все же помогите мне, пожалуйста! **Жукова Марина, Удмуртия**

Эта очень самостоятельная девушка вовсе не похожа на инвалида. «Если бы не ее хромота, вы бы никогда не подумали, что эта милая девушка имеет третью инвалидную группу», — сказала нам после проверки письма Марины сотрудница Удмуртского министерства соцзащиты населения Надежда Корнеева. На консультацию в Кургане Марине необходимо 2 млн рублей. Минздрав республики ей помочь не в состоянии.

Я пенсионер, вдовец, жену потерял очень рано, но вторично не женился и детей вырастил сам, в детдом не отдал, хотя младшему тогда было всего 6 лет. И вот мои дети выросли. У дочери жизнь не сложилась, нарожала пятерых детей без мужа, а теперь и саму лишили материнства. Бог ей судья. Стало мне ее деток жалко, и взял я опеку над ними. Вначале даже не знал, что за это еще и деньги положены, никто же не сказал. А вот в прошлом году была комиссия, и присудили мне аж 17 млн рублей. Думал, отремонтирую дом да баню новую построю (старая такая дряхлая, что я дважды чуть не сгорел). Но не тут-то было, даже долги до сих пор не выплатили. Правда, на 2 млн выдали продуктов питания. Я в таком отчаянии, что начинаю сам себя плохо чувствовать. Не в чем же ребятишкам в школу ходить! **Семенов Петр Семенович, Чувашия**

В 1988 году в месячном возрасте моего сына Сережу во время хирургической операции инфицировали вирусом гепатита. Теперь он инвалид детства, диагноз — хронический вирусный гепатит смешанной этиологии (В + D). В связи с болезнью ребенка я не работаю, муж — офицер. Квартиру нам не дают, приходится снимать, и материальное положение наше очень тяжелое. А Сереженьке нужно дорогое лекарство «Интерон А». Препарат покупаем, распродавая собственные вещи. Последние анализы показали, что вирус еще в крови, и врач рекомендовал повысить дозу «Интерона А», а курс лечения продлить до 12 месяцев. Требуется еще 24 флакона по цене 250 тыс. рублей за каждый на общую сумму 6 млн рублей. Поверьте, мы очень нуждаемся в вашей помощи. Прилагаю все необходимые документы и счет. Заранее благодарна. **Ковальчук Инна Владимировна, Ростовская обл.**

Уважаемые господа! Я инвалид второй группы из-за детского церебрального паралича. Недавно похоронила маму, и помочь мне теперь некому. Изложу свою просьбу, только пусть она не покажется вам пустячной. У меня очень плохо стало с руками, они немеют и отказываются служить. Врачи говорят, если не разрабатывать постоянно, то я их вовсе лишусь. Поэтому я хожу в изостудию, рисую для разработки рук, преподавателю нравится. Так вот, не могли бы вы помочь мне в приобретении материалов для рисования (список прилагаю)? Для меня это очень важно. **Артемова Валя, Москва**

В письме Валя вложила выписку из истории своей болезни и список: «Надо: краски, гуашь или акварель, белла, охра светлую и золотистую, любую красную, кобальт зеленый, изумрудную, фиолетовую, черную. Кисти — щетина или белка; бумагу для рисунков; папку для рисунков и этюдник 40 на 60».

Обращаюсь к состоятельным и отзывчивым людям. Требуется 1 млн 135 тыс. рублей на покупку слухового аппарата, а взять негде. Мне 82 года, рабочий стаж только по трудовой книжке 60 лет. Это не считая пяти лет работы уборщицей в отрочестве, когда трудилась, чтобы не умереть с голоду. Потом вышла замуж, родила двух сыновей, но это все по ссылкам, куда отправляли мужа. И вот теперь почти полностью оглохла. Врач выписал аппарат «Отисон» за 1 млн 135 тыс. рублей. Бесплатный же отечественный прибор, сказал, мне уже не поможет: слишком слаб. Я живу со старшим сыном, который сам инвалид 2-й группы. А младший живет отдельно от нас. Помогите, пожалуйста. Копию счета прилагаю. **В. В. Гаврилова, Москва**

Работаю участковым педиатром. 21 год назад взяла на воспитание годовалую племянницу, и она стала мне дочерью. Катя родилась тяжело больной, родители отказались от девочки. Вдвоем и живем. У нее очень грустная и трудная судьба. Масса болезней, инвалидность с детства. А в восьмилетнем возрасте был обнаружен еще и S-образный сколиоз. Мы обращались к специалистам Москвы и Ленинграда, но лечение было консервативным. В последнее время у Кати появились еще и болевой синдром. У нее два горба, в грудной и поясничной областях, и они увеличиваются. Недавно мы узнали о французском методе лечения в Новосибирском республиканском центре ортопедии позвоночника. Мы побывали там, и вот радость: сибиряки берутся облегчить болевой синдром, убрать один горб. Второй останется, но процесс будет меньше прогрессировать. Операция стоит \$5775. У меня таких денег нет. За всю свою врачебную практику я не заработала такой суммы. На помощь, конечно, пришли друзья и коллеги, но не хватает еще \$4100. Пожалуйста, помогите нам с Катюшей, будьте добры и великодушны. Счет Новосибирского центра высылаю. **Нина Гавриловна Мельникова, Москва**

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 956-71-87.

Мы делаем улыбки звездными!

Dental art

Стоматологическая клиника DENTAL ART – уникальный лечебный стоматологический центр, оборудованный суперсовременной аппаратурой фирмы SIEMENS.

Безболезненное лечение, компьютерная реставрация зубов, радиовизиография, лучшие в мире расходные материалы и инструментарий, стопроцентная защита от попадания в кровь пациента любых инфекций.

Опытные специалисты, прошедшие обучение в современных клиниках Германии и Швейцарии, ведущие как взрослый, так и детский прием.

Для пациентов из других городов или стран предусмотрено бронирование гостиниц и составление индивидуального лечебного графика.

На базе клиники DENTAL ART фирмой SIEMENS организован единственный в России учебный центр, в котором можно освоить передовые методы работы на новейших образцах стоматологической техники, в том числе на оборудовании CEREC-1 и CEREC-2.

Интерьер клиники разработан ведущими московскими дизайнерами.

Клиника является членом Ассоциации негосударственных стоматологических клиник.

ЛИЦЕНЗИЯ № 4765/4761

123242, Москва, ул. Дружинниковская, 15. Киноцентр. Запись по тел.: (095) 255-9072, 255-9662.

ЛЕЧЕНИЕ ЗУБОВ — ЭТО ИСКУССТВО, КОТОРЫМ МЫ ВЛАДЕЕМ